

Иванова К. Bibliotheca Hagiographica Balcano-Slavica. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2008. 721 с.

Уже само название настоящей книги указывает на то, что она призвана способствовать решению важной проблемы в изучении славянской письменности, а именно — проблемы каталогизации славянской агиографии. Действительно, учитывая ту роль и тот объем, которыми агиографические тексты отличаются от других памятников славянской письменности, удивительно, что для них не было до сих пор создано справочника, подобного изданиям болландистов: *Bibliotheca hagiographica graeca* (ВНГ), *Bibliotheca hagiographica latina*, *Bibliotheca hagiographica orientalis* или вышедшим в серии *Corpus christianorum* справочникам *Clavis apocryphorum Veteris Testamenti* и *Clavis apocryphorum Novi Testamenti*.

Впрочем, в отличие от агиографических текстов на других языках, славянские имеют особую специфику как происхождения, так и изучения. В частности, большее значение, чем, например, для греческой агиографии, имеет здесь изучение агиографических сборников. В этой связи Клементина Иванова ограничилась лишь теми текстами, которые встречаются в агиографических сборниках южнославянского происхождения. В таком аспекте книга является своего рода параллелью к работе над русскими житиями О. В. Творогова¹, а во многом ее превосходит.

Нельзя, впрочем, не отметить с сожалением, что два этих проекта построены на различных принципах. Каталог О. В. Творогова включает все известные на древнерусской почве агиографические тексты, но описывает их значительно короче, а главное, без необходимой для переводных памятников ссылки на греческий оригинал. Каталог К. Ивановой значительно полнее по описанию и снабжен ссылками на греческие оригиналы текстов, однако здесь помещены указания только на те тексты, которые встречаются в составе календарных (минологических) собраний. Таким образом, отсеченным оказался большой агиографический материал, прежде всего, периферийный (например, большинство апокрифов, апофтегм, душеполезных историй), который отражается в справочниках болландистов. Следует заметить, что сама К. Иванова считает на данном этапе создание полного каталога южнославянской агиографии трудновыполнимым. В этом нет никакого лукавства или самооправдания: действительно, вся жизнь К. Ивановой посвящена работе со славянскими агиографическими рукописями. Очевидно, на современном этапе создание подобного каталога должно быть делом целой группы исследователей: вспомним, что первые два издания ВНГ были настолько неполными, что А. Эрхард в своей фундаментальной

¹ См., в частности: *Творогов О. В. Переводные жития в русской книжности XI–XV веков. Каталог. М.; СПб., 2008.*

работе² даже не ссылаясь на его номера; кроме того, болландистские справочники являются плодом труда многих авторов и многих десятилетий исследования.

Однако не стала книга К. Ивановой и вариантом справочника А. Эрхарда для южнославянской агиографии. Ведь последний распределял описываемые греческие рукописи по выявленным им типам, что весьма продвинуло научное понимание византийской агиографической традиции, в то время как в рецензируемом издании порядок описания рукописей построен по алфавитному принципу. Таким образом, приходится констатировать, что мечта ученых о «славянском Эрхарде» еще далека от воплощения, хотя проработанный К. Ивановой южнославянский материал может, несомненно, стать для него основой. Между тем такой проект был бы важен не только для истории славянской книжности, но и для агиографической науки, так как славянская традиция может сохранять и исчезнувшие греческие типы агиографических собраний.

По календарному принципу построен и сам каталог Ивановой. Тексты расположены здесь по порядку церковного года, к ним даются заглавия, инципиты, ссылки на издания и рукописи. В последнем отношении данная книга превосходит справочники болландистов, которые дают рукописную традицию только для неизданных текстов, что оказывается почти катастрофичным для текстов изданных по худшему списку. Вообще, все вышеописанные проблемы связаны во многом с тем, что до сих пор не выработан оптимальный формат описания агиографических текстов, который бы учитывал рамки жанра, специфику отдельных поджанров, вариативность инципитов и десинитов в рукописной традиции и т. п.

Несмотря на календарный принцип построения, справочник удобен и для агиографов, и для специалистов по рукописям: он снабжен указателями славянских и греческих имен святых и праздников, авторов, использованных рукописей (в отличие от описания рукописей в начале книги, здесь он устроен по хронологическому принципу), а также обширной библиографией и списком сокращений. Кроме того, самому каталогу предпослано достаточно подробное описание каждой использованной для него рукописи: всего их 209, из чего становится очевидно, сколько времени ушло у исследовательницы на изучение лишь одной рукописной традиции. Из desiderata остаются указатели славянских оригинальных переводных текстов, не сохранившихся по-гречески, и сводная конкорданция с номерами ВHG. И здесь кроется еще одна проблема каталога Ивановой: автор не решился дать сквозную нумерацию текстов, как в ВHG, но распределяет их по дням, а внутри дней по святым, так что, например, восьмое чудо из «Жития прп. Симеона Столпника» приходится обозначать неудобным сиглом «1.09./II.1в⁸».

² Ehrhard A. Überlieferung und Bestand der hagiographischen und homiletischen Literatur der griechischen Kirche von den Anfängen bis zum Ende des 16. Jahrhunderts. 3 Bde. Lpz., 1937–1952. (TU; 50–52).

Главное достоинство книги К. Ивановой заключается в том, что здесь обобщен абсолютно весь объем южнославянских календарных сборников. Это стало возможным благодаря многолетней кропотливой работе исследовательницы в хранилищах как на самих Балканах, так и за их пределами, в том числе и в России. Некоторые конкретные замечания могут касаться отождествления с греческими оригиналами (например, имеется ошибка в соотнесении славянской и греческой традиций жития ап. Андрея, написанного Епифанием Монахом), однако эти легко устранимые при переиздании недостатки не влияют на общую высокую значимость работы.

Специфика построения каталога во многом связана с тем подходом к агиографическим текстам, которого обычно придерживается славистика. Подробно изучая самостоятельные славянские памятники, к переводным текстам она подходит прежде всего с точки зрения истории их перевода и бытования (именно с этим связано доминирование здесь рукописеведческого начала), в то время как важнейшая собственно для агиографии как науки задача изучить соотношение славянской и остальных версий текста остается на втором плане. В этом смысле каталог Ивановой — своего рода прорыв в последнем направлении.

Хотелось бы надеяться, что данный каталог, действительно, станет первым шагом на пути к созданию общей *Bibliotheca hagiographica slavica*, которая включит в себя указания на тексты как южно-, так и западно- и восточнославянской традиции и покажет их взаимоотношения, равно как и вберет в себя другой, неминологический агиографический материал. При этом подобный каталог должен постараться избежать тех системных ошибок, которые заложены в ВHG (и над исправлением которых трудятся создатели нового издания ВHG): классификации текстов лишь на основе инципитов и десинитов, пропуск рукописной традиции для изданных (зачастую давно и некритически) текстов, отсутствие четкой системы в описании малых жанров агиографии (таких, как, например, апофтегмы) и др. Учитывая же тот факт, что тексты в славянской агиографии носят преимущественно переводной характер, в более широкой перспективе общая *Bibliotheca hagiographica slavica* могла бы стать частью обобщающего каталога славянских переводных текстов, задача по созданию которого была поставлена известным славистом Ф. Томсоном перед самим собой и перед наукой вообще.

А. Ю. Виноградов